

УДК 821.161.3-3.09+929[В.Быкаў]:141.32

Экзистенциальные мотивы в творчестве В. Быкова

И. Г. КАРОПА

Жизнь и смерть – вечная тема искусства, потому,
очевидно, что человеческая судьба заключена именно между
двумя моментами – рождением и смертью.

Василь Быков

Сложно представить событие в жизни человека, которое было бы более значимо и более эмоционально наполнено, чем смерть. В психологии смерть называют одной из важнейших экзистенциальных данностей человеческого существования. При этом, термин «данность» подчеркивает тот факт, что смерть является неотъемлемой составляющей пребывания человека в мире. Каждый из нас знает, что жизнь заканчивается смертью. Но безболезненное принятие смерти как данности возможно только на отстраненно-сознательном уровне. А поскольку человек является существом не только мыслящим, но и чувствующим, осознание неизбежности смерти вызывает у него сильнейшие чувства: страх, обиду, отчаяние.

Отношение человека к смерти становится центральной проблемой экзистенциальной философии и литературы.

В белорусской литературе экзистенциальные мотивы особенно ярко проявляются в прозе Василя Быкова. И. Кукулин в статье «Регулирование боли» называет В. Быкова *«единственным в советской литературе писателем-экзистенциалистом в точном понимании этого слова»*[11]. Е. Ермолин в статье «Солдат и домашнее зло» пишет: *«В прозе Быкова постоянно бился лирико-экзистенциальный нерв»*[6]. Анализу экзистенциальной проблематики прозы Быкова посвящена статья В. Локун «Литература и свобода выбора»[7]. Об экзистенциализме Быкова писали также Н. Лейдерман и М. Липовецкий, И.Афанасьев, В. Липневич, П. Васюченко.

Являясь представителем «лейтенантской» прозы, В. Быков не раз подчеркивал, что правдивое изображение войны для него является больше средством: *«...меня интересует в первую очередь не сама война, даже не ее быт и технология боя, хотя все это для искусства тоже важно и интересно, но главным образом нравственный мир человека, возможности его духа»*[5].

Согласно Ясперсу, в обычных условиях жизни человек находится в состоянии потерянности и отданности миру, он ведет себя как все, руководствуется трезвым расчетом последствий собственного поведения. Только в особых случаях, которые Ясперс называет «пограничными ситуациями», подлинная сущность человека, его глубочайшая ценность выходит на авансцену: человек внезапно становится самим собой, он творит собственную жизнь. Пограничные ситуации потрясают человека, вырывая его из плена повседневности, и только благодаря этому толкают к обретению его подлинного существования, свободы. Пограничные ситуации по Ясперсу – это такие ситуации, в которых человек потенциально способен осознать, что *«жизнь протекает в борьбе и страданиях, что он должен взять на себя конечную ответственность, что он погряз в виновности, что он стоит перед абсолютной необходимостью умереть»*[1]. Столкновение с перспективой собственной смерти Ясперс называет *«решающей пограничной ситуацией»*[15].

Война в произведениях Быкова, на наш взгляд, является метафорой пограничной ситуации. Она выполняет функцию фона, обрамления. Комментируя работу над повестью «Сотников», Василь Владимирович писал: *«Прежде всего и главным образом меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, ко-*

гда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?»[5] На наш взгляд, этот комментарий можно отнести ко всему творчеству писателя, а конфликт между желанием жить и осознанием неотвратимости смерти можно назвать центральным сюжетообразующим звеном в произведениях Быкова.

Большинство военных повестей писателя начинаются с того, что главному герою/героям поручено выполнение какого-нибудь важного задания. В «Журавлином крике» шестерым бойцам приказано на день задержать продвижение немецких войск и тем самым обеспечить безопасность отступления своего батальона. В повести «Пойти и не вернуться» Зоська отправляется с разведывательным партизанским заданием в оккупированное немцами местечко. Сотникова и Рыбака в «Сотникове» изголодавшийся партизанский отряд отправляет в деревню за продуктами. Ивановский в «Дожить до рассвета» по своей инициативе ведет отряд из десяти человек в немецкий тыл с целью подорвать базу противника. Перечисление конкретных примеров можно продолжать, но если обобщить их, то в начале сюжета перед главными героями раннего и зрелого творчества Быкова всегда стоит одна цель – противостоять врагу, т.е. смерти.

Никому из персонажей не суждено успешно выполнить задание. С самого начала что-то не ладится. Цепь досадных случайностей и неудач сводит к нулю шансы на благополучный исход, и вот уже желаемый успех оборачивается полным поражением. Особенно ярко предчувствие провала выражено в переживаниях Ивановского: *«На ум сразу пришло народное поверье, что дело с неудачным началом обречено на еще худший конец. У него началось куда как неудачно. Что же будет в конце?»*[4] Чем упорнее герой отказывается примириться с невозможностью успеха, тем более неизбежным и страшным становится поражение. И тут уже не до успеха операции – хоть бы отсрочить или уменьшить тяжесть поражения.

Поистине, проза Быкова – это проза поражения. В большинстве военных повестей события разворачиваются в самую трагическую пору Великой Отечественной войны в 1941-1942 годы, когда советским войскам приходилось отступать, партизанам скрываться в лесах, убегать, когда надежда на победу уменьшалась с каждой услышанной фронтовой сводкой.

Враг – немецкие войска, полицаи, эсэсовцы – приобретает у Быкова черты всемогущества, непобедимости. Они вездесущи – от них не скрыться ни в лесу, ни в глухой деревне, ни в горах. И если есть хоть малейший риск, то можно быть уверенным: быковскому герою не повезет. *«Фабула [у Быкова] движется почти музыкально, мы физически ощущаем, как одна оплошность, сцепляясь со случайностью, тянет за собой другую, они разрешаются в следующем провале – снова надежда, но механизм беды уже запущен, и все быстрее и быстрее движется к неминуемому финалу, –* отмечает Рейн Караста. – *Почти всегда герой идет куда-то, сбивается с пути или почему-то не может дальше двигаться, и тут начинается страдание, причем страдание физическое почти всегда сопутствует нравственному»*[10].

Даже пространство и время в произведениях Быкова губительны. В предисловии к одному из сборников повестей Быкова Валентин Курбатов комментирует: *«Это выстуженное, враждебное человеку пространство трагедии, где и природа не знает света. Идут долгие глухие снега, льют ненастные дожди, мороз коробит бинты. Поля враждебны, леса чужды, дороги губельны. Против них ополчается и время – не успевают дойти, дожить до рассвета, выйти к своим»*[12, с.7].

Но почему поражение? Почему неизменно, из сюжета в сюжет, так неизбежно поражение? Приходит на ум отрывок из «Чумы» Камю:

«– ... представляю себе, что же в таком случае для вас эта чума.

– Да, – сказал Риэ. – Нескончаемое поражение» [9].

И война, и чума являются художественными метафорами пограничной ситуации, в которой человеку открывается трагедия его существования. Ведь человек с рождения обречен потерпеть самое главное в своей жизни поражение. Человек смертен, и смерть – это тот непреодолимый, вездесущий абсолюте, против которого человек в итоге оказывается бессилён. На войне перспектива собственной смерти становится неожиданно реальной и близкой. Не каждый, оказавшийся на войне, обречен умереть. Но каждый, оказавшийся в такой непосред-

ственной близости к смерти, обречен в полной мере прочувствовать трагедию своей экзистенциальной ситуации. Может быть, именно это имел в виду Быков, говоря о войне как о «*деле слишком серьезном, чтобы на ее материале конструировать воскресное чтение для досужих читателей*»[5].

Начиная с самых ранних произведений, творчеству Быкова характерны черты экзистенциального мировосприятия, согласно которому «*порядок вещей определяется смертью*»[9]. Отношение к смерти у Быкова насквозь экзистенциально.

Смерть в художественном пространстве произведений Быкова абсурдна. Быкову чуждо античное мировосприятие, в котором Герой обречен на гибель, но его гибель – это приносящий славу подвиг, своего рода гарантия символического бессмертия, поскольку память о Герое останется в вечной памяти потомков. «*...Сказание и эпопея у греков предназначались для того, чтобы увековечить бессмертие героя. Если герой соглашался умереть молодым, то это для того, чтобы его жизнь освященная таким образом и прославленная смертью, перешла в бессмертие; сказание было выкупом за эту принятую смерть*» – отмечает Фуко[14, с. 14].

Быковским героям отказано в подвиге. Они погибают глупо, им просто не везет. Ивановский в «Дожить до рассвета» мечтает о подвиге, который придаст бы смысл его смерти и смерти тех солдат, которых он обрек на гибель. Но автор безжалостно лишает его шанса на геройскую смерть: «*...такого невезения Ивановский не мог себе и представить. После стольких усилий, смертей и страданий вместо базы боеприпасов, вместо генерала в изысканном «опель-адмирале» и даже штабного, с портфелем, полковника ему предстояло взорвать двух обозников с возом соломы*»[4].

Античный Герой погибает и смертью придает смысл своей жизни. Героям произведений Быкова 60-70-х годов в момент смерти остается лишь надежда на то, что, может быть, их смерть когда-нибудь обретет смысл: «*Но останутся жить другие. Они победят, им отставать эту зеленую счастливую землю, дышать полной грудью, работать, любить. Но кто знает, не зависит ли их великая судьба от того, как умрет на этой дороге двадцатидвухлетний командир взвода лейтенант Ивановский*»[4].

Объяснение присущего Быкову мотива бессмысленной смерти находим в следующих заметках писателя: «*Но ведь многие не дожили до этого дня, не дошли до Победы и – что меня давно поражает – не то, что они погибли, это слишком банально на войне – а то, что, погибнув, они так и не узнали об окончании этой войны. Погибли в неведении. И до сих пор пребывают в оном. Никогда не узнают, о, может быть, самом важном из всего, что в течение ряда лет занимало на земле умы миллионов людей*»[5].

Еще одна причина, по которой смерть у Быкова столь абсурдна – его собственный военный опыт. В панике отступления первых дней войны он отстал от своей части, был отведен в комендатуру, там при обыске у него нашли карту. «*...Выданный из учебника листок, – вспоминает Василь Владимирович, – на котором я, грамотей, отмечал, как движется фронт. Тот листок меня едва не погубил*». Его приняли за немецкого шпиона. На допросе избили, отвели в камеру. Скоро стали выводить на расстрел. «*В очередной раз пришли двое – молодой в синей фуражке и пожилой усатый красноармеец с винтовкой. Этот, усатый с винтовкой, кивнул мне – на выход, и я послушно поднялся. Не помню, как вышли из подвала. Через мощный двор свернули за угол кирпичного здания на вытопанные огородные грядки. И там под старым деревянным забором я разглядел в крапиве длинные ноги в высоко накрученных обмотках. И я не сдержался – слезы сами ручьем полились из глаз. А красноармеец застыл в изумлении от моего безмолвного плача, и вдруг говорит: „Пацан, беги! Быстро!“*»[3, с. 42-44] Так началась для Василя Быкова война – нелепое недоразумение едва не привело его к смерти.

Смерть в произведениях Быкова всегда личностна, индивидуальна, что придает ей особый экзистенциальный характер. Даже в вещах с «групповой гибелью» («Журавлиный крик», «На черных болотах», «Желтый песочек») через самые важные воспоминания, надежды, сожаления о несбывшемся или утраченном писателю удается передать глубоко личностную встречу со смертью каждого отдельного персонажа. Герой Быкова зачастую своей смер-

тью надеется спасти кого-то. Но для самого героя его смерть всегда остается поражением – поражением *его* мечтам, воспоминаниям, надеждам на счастье, поражением *его* жизни.

Физическое страдание, столь характерное для произведений Быкова, также можно интерпретировать в экзистенциальном ключе. Илья Кукулин называет «*сильный телесный дискомфорт*», от которого страдают быковские герои, «*метонимией экзистенциально безвыходной ситуации*»[11]. Их физическое страдание (голод, холод, ранение, пытки, болезнь) не только не облегчает, а наоборот, усиливает страдание духовное.

Здесь важно отметить, что изображение неизбежности смерти не является для Быкова целью. Череда губительных неудач, физические и нравственные страдания героя, непереносимая близость смерти – у Быкова все служит одной цели. Когда финальное поражение уже ощутимо физически, происходит самое главное – герою открывается его последняя свобода, то единственно важное, что делает его человеком, то, чего никакие обстоятельства не могут у него отнять – свобода выбора. Рейн Карасте отмечает: «*Сюжет [у Быкова] вроде бы всегда один и тот же: оплошности и случайные обстоятельства медленно сужают круг свободы до неминуемой смерти, перед лицом которой герой делает последний выбор*»[10]. Наум Лейдерман и Марк Липовецкий подчеркивают, что в действиях героев Быкова наиболее важное – процесс выбора «*в условиях, которые, кажется... исключают самую возможность выбора*»[11]. Именно рефлексия извечной неотъемлемой человеческой свободы – свободы осознанно делать выбор и таким образом выбирать себя, свою жизнь – составляет, на наш взгляд, экзистенциальное ядро творчества Василя Быкова.

Для экзистенциального типа мышления категория выбора является основополагающей. Развивая тезис Хайдеггера о том, что «*существование предшествует сущности*», Сартр утверждает, что человек «*является лишь тем, что сам из себя сделает*»[13]. Согласно экзистенциализму, жизнь человека в эпоху абсурда, когда Бог умер, детерминирована только смертью. В остальном человек оказывается «*чудовищно*» свободен. Он вынужден принимать ответственность за выбор каждого своего поступка в каждый момент своего бытия.

Какой же выбор оставляет Быков своим героям? Да и может ли вообще быть какой-то выбор перед лицом неотвратимой смерти? Например, Черняк из рассказа «Глухой час ночи» считает, что выбора у него никакого и нет: «*Никакого выбора отныне нет. Полная пустота. Вакуум, над которым он когда-то колдовал в конструкторском бюро. И он вспомнил, как некоторые умники болтают о важности свободы выбора. Где она, та пресловутая свобода, как и тот необходимейший выбор? Так мало его было в жизни и вовсе не стало накануне смерти*»[2]. На самом деле выбор у быковских героев есть всегда, просто Черняк не способен осознать, что только что его сделал.

Василь Владимирович не раз рассуждал о том самом важном последнем выборе, к которому неизбежно подводит своих героев. Особенно категорично он сформулировал суть этого выбора в комментариях к повести «Сотников»: «*...неумолимая сила военных обстоятельств вынудила каждого сделать самый решающий в человеческой жизни выбор – умереть достойно или остаться жить подло*»[5].

«Остаться жить подло» значит пойти на поводу у страха смерти, перейти на сторону абсурда, позволить ему уничтожить себя. «Остаться жить подло» значит отказаться от свободы, обесценить и обесмыслить свою жизнь, перестать быть Человеком в нравственном смысле. Это выбор Рыбака, согласившегося служить полицаям. Это выбор Пшеничного, решившего сдать немцам, и Овсеева, бежавшего с поля боя. Это выбор Николая Ровбы, отказавшегося от родителей и возглавившего облаву на собственного отца. Это выбор Черняка, сдавшего своего соседа киллеру. Ценой предательства Рыбаку и Николаю Ровбе удастся выжить, но такая жизнь и есть самое страшное человеческое поражение – смерть духовная. Они становятся «живыми мертвецами», при жизни утратив то, что не могла отнять у них даже смерть. Самое главное из совершенных ими предательств – это предательство себя.

«Умереть достойно» значит до самого последнего момента жить подлинной жизнью, оставаться верным свободе и общечеловеческим ценностям – единственно доступным ориентирам в абсурдном мире. «Умереть достойно» значит до последнего момента не прекращать борьбу с абсурдом. «Умереть достойно» – единственная возможность победить духов-

ную смерть. Это выбор Сотникова, до самой смерти не прекращавшего попыток спасти Демчиху и Петра. Это выбор Хведара Ровбы, который предпочел смерть несвободе. Это выбор Глечика, который не сдаётся, даже когда остается один на поле боя.

Комментируя повесть «Дожить до рассвета», Быков отвечает на вопрос: *«... что такое победа, а что поражение с точки зрения нравственной или философской, которые больше всего другого интересуют в искусстве? Ивановский, разумеется, был побежден и погиб на своем маленьком поле боя, но если он из тех людей, о которых сказано, что их можно убить, но нельзя победить, то его поражение явственно превращается в иное, противоположное качество»*[5].

Быков поэтизирует выбор достойной смерти. Достойная смерть позволяет его герою остаться Человеком и одержать нравственную победу над абсурдом и несправедливостью мира. Такая концепция достойной смерти наиболее созвучна философским воззрениям А. Камю.

Для А. Камю единственно возможным способом подлинного существования является «бунт», а идеалом современного человека становится «абсурдный человек», т.е. человек, осознавший абсурд и не отворачивающийся от него, способный сам придать ценность своему существованию. Бессмысленность существования Вселенной только подчеркивает величие человека, имеющего мужество по-человечески жить в этом мире. Абсурдный человек Камю метафорично представлен в образе Сизифа. Камень, который Сизиф обречен без конца поднимать в гору – символ бессмыслицы; участь Сизифа трагична, но он отказывается покориться. В своем бунте *«он тверже своего камня»*. В бунте он обретает смысл. *«Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым,»* – утверждает философ [8, с.92].

Борьба со смертью придает смысл жизни героев «Чумы»:

«– ... Так вот, раз порядок вещей определяется смертью, может быть, для Господа Бога вообще лучше, чтобы в него не верили и всеми силами боролись против смерти, не обращающая взоры к небесам, где царит молчание.»

– Да, – подтвердил Тарру, – понимаю. Но любые ваши победы всегда были и будут только преходящими, вот в чем дело.»

Риз помрачнел.

– Знаю, так всегда будет. Но это еще не довод, чтобы бросать борьбу»[9].

Герои Быкова, как и герои Камю, находят смысл в бунте. Их не ожидает победа, им дано только знание беды и возможность утвердить свое достоинство, свою человечность в безнадежном сражении со смертью.

В поздних произведениях экзистенциализм В. Быкова обретает новое звучание. Валентина Локун отмечает: *«В прозе писателя последних лет к понятию «жизнеутраты» добавляется понятие «смыслоутраты». Мировосприятие писателя еще более очерчивается в пессимистичные ноты. В. Быков открывает новые для себя пласты абсурда»*[7, с.252].

В статье «Солдат и домашнее зло» Евгений Ермолин пишет: *«Его герои в поздней прозе выглядят обреченными. Не выглядят – являются. С поразительной изобразительной силой Быков создавал это впечатление. Пожалуй, можно сказать и так: Быков оказался даже зачарован этой неизбежностью смерти. С какого-то момента писатель ищет таких ситуаций, он прикован к ним фатально. Человек не просто смертен. Не просто внезапно смертен. Он обречен на уничтожение»*[6].

Если в произведениях 60-70-х годов присутствует надежда на успех, то в более поздних произведениях главные герои, как правило, помещены в изначально проигрышную ситуацию. Хведар Ровба ценой огромных усилий возвращается из ссылки в родную деревню, чтобы умереть: *«... главным было – дойти, хоть доползти, чтобы хоть одним глазом взглянуть и умереть. О, умереть тут, обрести вечное пристанище в родном краю было бы величайшим счастьем, о котором он не смел и мечтать...»*[4]. Остатки отряда повстанцев-националистов в рассказе «На черных болотах» со всех сторон окружены большевиками и единственный свой выход видят в групповом самоубийстве – так они надеются хотя бы сохранить жизнь своим близким. С героями рассказа «Желтый песочек» мы встречаемся, когда их, уже приговоренных к смерти, везут на расстрел. Рассказ «Перед концом» начинается с

момента, когда поручика Глушкевича уже арестовали, *«правда, кажется, пока что повели не расстреливать...»*[4].

Писатель все реже придумывает какие-то задания героям, желание жить уже ни чем не завуалировано, с самого начала оно четко обозначено и, будучи многократно усилено безнадёжностью ситуации и осознанием собственной обреченности, занимает центральное место в переживаниях главных героев. Кажется, Василь Быков теперь умышленно начинает повествование с такого момента, когда все остальные устремления, желания, задачи, цели уже откинута главным героем как второстепенные и отошли на второй план.

Отказывает писатель своим новым героям и в последней утешительной надежде – надежде на спасение и счастье будущих поколений.

В прозе Быкова 60-70-х годов война предстает как нечто чуждое человеческой природе. Война – это некая аномалия, извращение, абсурдная и жестокая ошибка человечества. А если так, то значит, есть надежда на то, что когда-нибудь, может быть, будущее поколение, а может, даже нынешнее эту ошибку исправит, положит конец этой несправедливости. Сотников перед смертью встречается взглядом с мальчиком в буденовке: *«...перехватив его взгляд, Сотников уловил в нем столько безутешного горя и столько сочувствия к ним, что не удержался и одними глазами улыбнулся мальцу – ничего, браток»*[4]. Как отмечает Валентина Локун, эта сцена символизирует связь Сотникова с будущим: *«...мальчик – это его, Сотникова, продолжение в жизни. С другой стороны, присутствие реального мальчика вносит мотив оправдания страданий бывшего комбата. Сотников жертвует своей жизнью, защищая мальчика, его будущее»*[7, с.246-247]. Есть продолжение и у Ивана Терешки из «Дожить до рассвета» – Джулия спаслась и родила от Ивана сына, который счастливо живет в мирное время.

Новый быковский герой – это герой без надежды. Солдат из «Волчьей ямы» перед смертью вспоминает встреченного им, такого же обреченного волка: *«– Лю-ю-ди, лю-ю-ди! – напрягался он в крике, но с его высохших губ слетал только шепот. Никто нигде не откликнулся, да никого поблизости и не было. Не было даже волка. В какую-то минуту он вспомнил вчерашнего доходягу... Где ты, волча, брат по несчастью? Или уже дошел?... Наверно, как и все прочие надежды, и эта развеялась дымом...»*[4] Хведара Ровбу все годы страданий поддерживала надежда на то, что, может, хоть его сын счастлив. Но вернувшись на родину он узнает о том, что его сын от него отказался и возглавляет на него облаву. Это страшный удар. *«Счастлива его мать, что не видит этого. И не слышит»*, – думает Хведар перед смертью [4]. Главный герой «Полюби меня солдатик», считавший войну самым страшным злом и мечтавший о ее окончании как об окончании бесчеловечности, страданий, в первый же день мира находит свою девушку изнасилованной и убитой, и сделал это не абстрактный бесчеловечный враг, а вполне «человечные» свои, сражавшиеся за Великую победу солдаты.

Редко в поздней прозе писателя встречается мотив бунта. Чаще внешней обреченности сопутствует обреченность внутренняя. Герой последних произведений писателя – это, как правило, человек сломленный, уже не способный бунтовать против несправедливости жизни, неизбежности, абсурдности смерти. Профессор Скварыш из рассказа «Бедные люди» настолько напуган, что решает написать донос первым. Герои повести «Волчья яма», поселяясь в зоне, обрекают себя на страшную смерть. Герои рассказа «Желтый песочек» даже не думают о победе, более того, помогают толкать машину своим палачам. «Народные мстители» напиваются и дальше терпят обиду и унижение.

Вопрос *«что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств?»* остается основополагающим и для поздней прозы писателя. Вот только отвечает на него Василь Владимирович уже не так оптимистично. Последние произведения писателя являются, скорее, рефлексией человеческой слабости. На наш взгляд, Быков отказывается от идеи социальной природы зла. Зло – это не фашизм, большевизм, коллективизация и прочие безликие абстракции. Зло укоренено в самом человеке, и потому любое, даже мировое зло – ответственность каждого. Мирясь со злом, мы переходим на его сторону. Как утверждал Ж.-П. Сартр, *«выбирая себя мы выбираем всех людей»*[13].

Abstract. The paper considers the evolution of existential motives in V. Bykov's prose. War is seen as a metaphor for a boundary situation in which main heroes confronted with death are forced to make their final and most significant decisions. Thus, the reflection of the existentialist problem of "freedom of choice" in the face of inevitable death becomes one of the central motives in Bykov's prose.

Літаратура

1. Брюнинг, В. Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние / В. Брюнинг. // Западная философия. Итоги тысячелетия [Электрон. ресурс]. – Екатеринбург-Бишкек, 1997. – С.209-410. – Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/bruening.htm>
2. Быков, В. Глухой час ночи / В. Быков // Дружба народов [Электрон. ресурс]. – 2001. – №3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/3/bik.html>
3. Быкау, В. Доўгая дарога дадому / В. Быкаў. – Мн.: Кніга, 2002. – С.544
4. Быков, В. Произведения / В. Быков [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://bykau.by.ru/menu-ru.htm#tvory>
5. Быков, В. Публицистика / В. Быков // Собр. соч.: в 4 т. [Электрон. ресурс]. - М.: "Молодая гвардия", 1986. – Т.4. – Режим доступа: <http://wap.lib.beeline.ru/lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt?k=500>
6. Ермолин, Е. Солдат и домашнее зло / Е. Ермолин // Континент [Электрон. ресурс]. – 2003. – №117 – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2003/117/ermo9l.html>
7. Локун, В. Літаратура і свабода выбару. Экзістенцыяльныя кірункі твораў В. Быкава / В. Локун // Польша. – 1998. – №5. – С. 238-254
8. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
9. Камю, А. Чума / А. Камю [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/camus/peste.html>
10. Карасты, Р. Пацан, беги / Р. Карасты // Звезда [Электрон. ресурс]. – С.-П., 2004. – №7. – Режим доступа: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2004/7/karasti.html>
11. Кукулин, И. Регулирование боли / И. Кукулин // Неприкосновенный запас [Электрон. ресурс]. – 2005. – №№ 2-3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37.html>
12. Курбатов, В. Встретиться с собой. / В. Курбатов // Дожить до рассвета / В. Быков. – М., 2003. – Предисловие. – С. 5-10
13. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / Ж.-П. Сартр [Электрон. ресурс]. – М., 1989. – С. 319-344. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/sartr01/>
14. Фуко, М. Воля к истине / М. Фуко. – М., 1996.
15. Ясперс, К. Самоубийство / К. Ясперс // Философия / К. Ясперс [Электрон. ресурс]. – Гейдельберг, 1948. – С.552-564. – Режим доступа: http://www.aztec.sitecity.ru/lttext_1706064808.phtml?p_ident=lttext_1706064808.p_2406081216